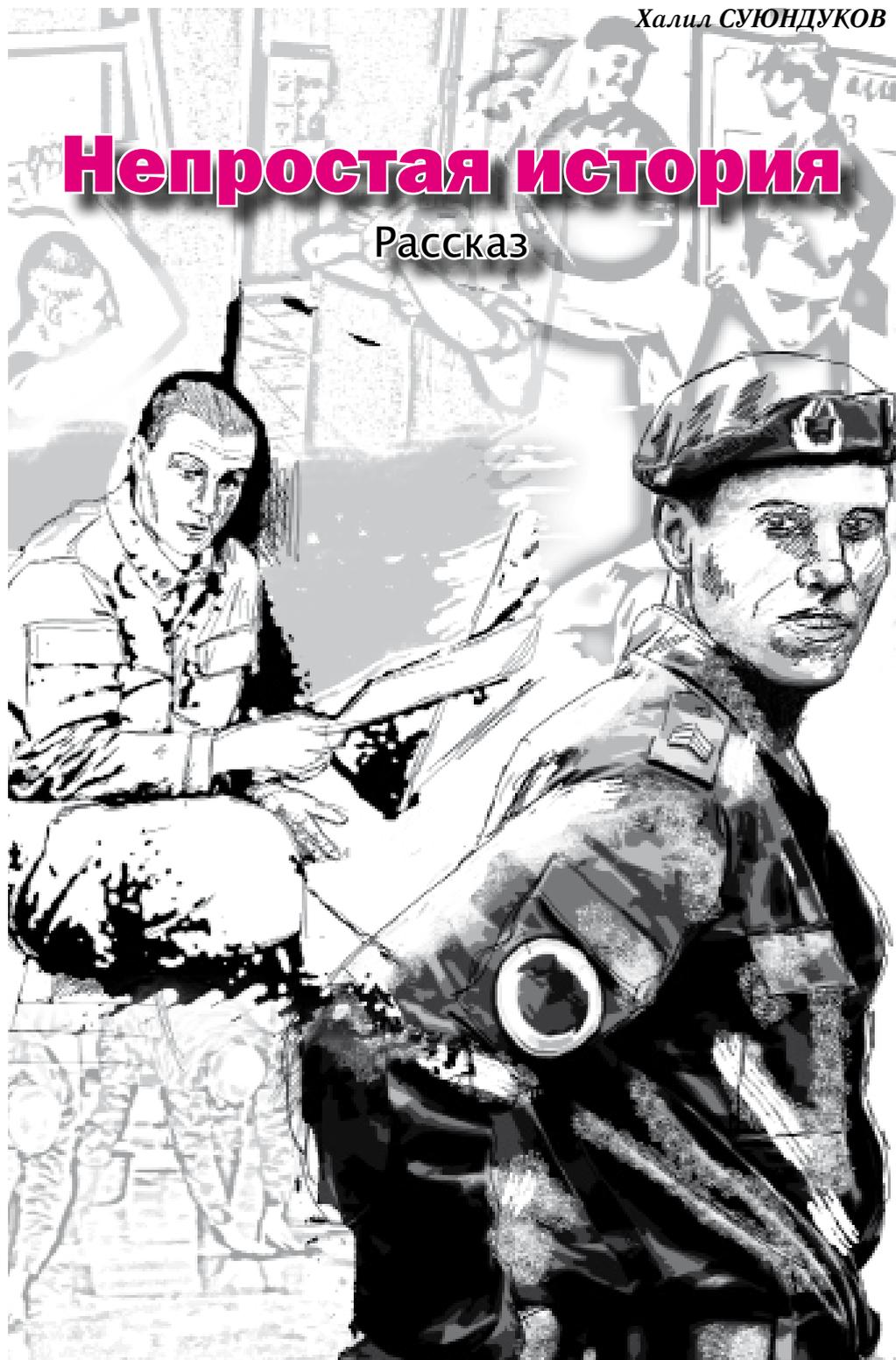

20 лет журналу «Ватандаш»

Халил СУЮНДУКОВ

Непростая история

Рассказ

Как-то встретил своего давнего знакомого, который долгие годы работал в военной адвокатуре, а теперь находился на заслуженном отдыхе. Побродив с ним по улице и разговаривая о том о сем, мы остановились у какого-то кинотеатра. У входа висела большая киноафиша, где был изображен символ правосудия — статуэтка женщины с завязанными глазами, держащей перед собой весы. Фильм назывался «Слепой закон».

— Может, зайдём, посмотрим? — предложил мой знакомый. — Вспомним былые времена, когда чуть ли не каждый день ходили в кинотеатры, не пропустили ни одной премьеры...

— Да нет, не стоит, — отказался я от предложения, отмахиваясь руками, словно отгонял его от себя, — так это ведь индийский фильм... Даже не глядя, приблизительно могу сказать, что покажут какую-нибудь невероятную ерунду. Давай не будем зря тратить время, пойдём лучше в парк, посидим, поговорим... И денек-то какой прекрасный...

Зайдя в парк, мы присели на скамейку. Напротив нас группа солдат с веселыми лицами по очереди фотографировали друг друга на фоне высокого памятника одному из пламенных революционеров. Видимо, в увольнении... Глядя на них, знакомый мой опять заговорил, будто вспомнил что-то.

— Знаешь, а я ведь и сам когда-то был такого же мнения об этих фильмах.

— Ну, ну, — оживился я.

— Но теперь считаю, что все сюжеты этих «невероятных» фильмов все-таки взяты из жизни. Работая долгие годы в адвокатуре, просто убедился в этом. Да и не только я. Всякому работнику правосудия в своей жизни порой приходится быть свидетелем таких ситуаций, как и в этих индийских фильмах, а то и посложнее. И не только быть свидетелем, но и порой решать задачи, кажущиеся неразрешимыми... — говорил он, по привычке слегка прищутив глаза и всматриваясь куда-то далеко, словно хотел там увидеть что-то. — Глядя на этих солдат, вспомнил одну историю. Невзирая на то, что ты относишься скептически к подобным вещам, все-таки хочу рассказать ее.

* * *

Феликса Ишбулдовича в срочном порядке вызвали в воинскую часть, где служил сын Батыр. «...Ваш сын находится в тяжелом состоянии...» — говорилось в короткой телеграмме, подписанной командиром части. Попытки отца, сильно расстроенного и разозлившегося от такой неожиданной весты, уточнить по телефону, что конкретно случилось с единственным сыном, были безуспешны. Кроме ответа, что его сын получил тяжелую травму и в данный момент находится в реанимационном отделении военного госпиталя, ничего больше выяснить не удалось.

На следующий же день утром на своем новом автомобиле «Ниссан» Феликс Ишбулдович с супругой Гульнисой отправились в путь. До войсковой части, где служит их сын, ехать приблизительно двенадцать часов. За двадцать с лишним лет совместной супружеской жизни Феликс почти никогда не разговаривал с женой открыто, как говорится, по душам. И сейчас, верный своей натуре, сидит, словно железная статуя, прикованная руками к баранке, как будто он один в салоне. Толстые черные брови нахмурены, узкие губы сжаты, маленькие глаза сосредоточенно глядят на дорогу. Даже ямочка на его слегка выдающемся подбородке, кажется, стала несколько глубже.

— Может, наткнулся на какую-нибудь «дедовщину»? — заговорила Гульниса, нарушая тишину. Она почему-то всегда чувствовала себя в чем-то виноватой перед супругом. Возможно, потому, что, как бы ласково она ни обращалась к нему, всегда получала такой грубый ответ, что потом надолго пропадала охота разговаривать с ним...

— Откуда я могу знать, — буркнул Феликс Ишбулдович, не отрывая глаза от дороги. — Но, как бы то ни было, я переверну с ног на голову все командование этой части!

Казалось, что даже супруге было слышно, как он скрипел зубами от злости. Может, не стоило с ним заводить разговор... Гульниса прекрасно знает, что в такие моменты лучше промолчать.

Они познакомились двадцать лет назад, когда Феликс, проживающий в районном центре, спустя несколько месяцев после демобилизации из армии в конце лета приехал в гости в их деревню, к своему сослуживцу Фариту. Вечером парни вышли в клуб. Богатырского телосложения Феликсу сразу же понравилась черноглазая, чернобровая и стройная Гульниса. От районного центра до их деревни не очень далеко, поэтому Феликс стал приезжать к ней чуть ли не каждый вечер на своем мотоцикле «Восход». Заходит прямо к ним домой и, поздоровавшись с ее родителями, прямо так и заявляет: «Я приехал к Гульнисе». А дядя Галимнур и Шамсиниса-апа, увидев такого «богатыря», почему-то приходят в состояние гипнотического воздействия. Не только родители, но и сама Гульниса тоже была очарована Феликсом. Вскоре парень довольно-таки категорично заявил девушке: «Ты будешь только моей!»

— А если я не соглашусь?.. — сказала Гульниса, как-то не воспринимая его слова всерьез.

— Если не согласишься — похищу, — ответил Феликс, который никогда не шутил, потому что сам он был очень далек от понимания юмора.

— А ты чем-то напоминаешь настоящего «железного Феликса», — все пыталась шутить девушка.

— Меня почему-то и в школе, и в армии так обзывали, — согласился, наконец, парень.

— Наверняка из армии вернулся в каком-нибудь звании...

— Старшина, — ответил Феликс достаточно серьезно и на этот раз.

От природы словоохотливой Гульнисе вначале как-то даже нравилось, что парень не любит болтать зазря.

Перед Новым годом Феликс сделал Гульнисе предложение о женитьбе. Девушка, которая почему-то уже начала считать его будущим мужем, не стала особо сопротивляться и, несмотря на то, что не испытывала к «железному Феликсу» особых чувств, согласилась выйти замуж. Похоже, что Гульнису все-таки больше привлекало, как выразилась потом её мама, богатырское телосложение Феликса.

Зажили они не хуже других. В первое время жили у его родителей. Но настырный и решительный Феликс с первых же дней совместной супружеской жизни поставил себе целью построить отдельное, собственное жилище. Через год у них родился сын. Дали ему имя Батыр. Феликс, который работал простым рабочим на пивном заводе, поступил учиться в университет на заочное отделение химического факультета. Он никогда не поддавался душевным переживаниям и, естественно, не знал, что есть еще на свете такие понятия, как любовь и ласка

по отношению к своему ребенку. Воспитание сына полностью легло на плечи матери. То ли из-за этого, то ли по другой причине мальчик становился похожим на мать: тихим, нежным и чувствительным. Когда наступил подростковый период, у парнишки стали появляться такие качества, как своенравность и ненужное упрямство. Юноша, даже внешне слегка похожий на мать — черноглазый, с широкими скулами и слегка надутыми губами — в школе по всем предметам успевал только на «отлично», кроме физкультуры. По физкультуре у него почему-то была стабильная «четверка». Особое внимание уделял таким предметам, как родная литература, биология. Тянуло его так же и к музыке. В седьмом-восьмом классах научился играть на гитаре, пел красиво. Было у него желание после окончания школы пойти учиться на музыканта либо на филолога.

— Будешь юристом! — резко отрезал отец, который в это время уже занимал пост главного инженера завода, когда узнал, что сын собирается поступить на филологический факультет университета.

— Я никогда и не думал стать юристом, — сказал сын.

— Вот теперь думай, — сказал отец. — Будучи филологом, дел особых не натворишь.

Совет отца, который прозвучал тяжелым басом, Батыр принял как приказ и не стал спорить. Начал готовиться к поступлению на юридический факультет.

Но жизнь, как говорится, не всегда идет так, как хочешь. Приказать, конечно, приказал «железный Феликс» сыну, однако, видимо, совершенно забыл, что никак не может приказать приемной комиссии университета... В общем, не сумел поступить Батыр на юридический. А осенью его призвали в ряды Российской Армии.

— Ничего, в свое время я тоже службу тащил. И не один год, как теперь, аж целых два! Одногодичную службу за службу даже не считаю. — Отец то ли хвастался, то ли по-своему успокаивал слегка расстроенного сына, когда провожали.

Только Гульниса безудержно плакала, долго не могла успокоиться.

— Чего это ты сопли распустила? — ругался Феликс, когда тронулся эшелон с призывниками. Сам он и не помнит, когда в последний раз плакал. Разве только в раннем детстве... Хотя даже в этом сомневается. До сих пор он глубоко убежден, что мужчина никогда не должен показывать свою слабость.

* * *

Около семи вечера в приемном отделении военного госпиталя их встретил заведующий хирургическим отделением, одетый в зеленый операционный костюм. Ему на вид около сорока, но волосы уже серебристо-седые.

— Подполковник Климачев Леонид Юрьевич, — вежливо представился он. — Насколько я понял, вы — родители рядового Хисбуллина?

— Они самые, — ответил Феликс Ишбулдович как-то высокомерно. — Где мой сын?

— Пока он находится в реанимационном отделении, — ответил спокойно доктор. — Пожалуйста, пройдем в мой кабинет.

— Пока не увижу сына, никуда не зайду! — начал кипятиться папаша. — Что сделали с моим сыном? А ну, выкладывайте правду!

— Пожалуйста, успокойтесь, — все так же спокойно сказал Леонид Юрьевич. — Не коридорный разговор. Пройдем в кабинет.

Гульниса, чувствуя неловкость из-за бестактного поведения своего супруга, зашла в кабинет заведующего вслед за мужчинами.

— Присаживайтесь, — предложил доктор после того, как родители солдата сняли верхнюю одежду и повесили в шкаф. — Закуривайте, — протянул Феликсу Ишбулдовичу пачку сигарет. Значит, разговор будет чрезвычайно тяжелым...

Леонид Юрьевич рассказал родителям о том, что произошло с их сыном, о проведенной операции и предположительном прогнозе.

У солдата в результате сильного удара произошел перелом позвоночника с повреждением спинного мозга, нижняя половина туловища парализована. И вероятность того, что он когда-нибудь сможет встать на ноги, практически была равна нулю, следовательно, парень может на всю жизнь остаться инвалидом... Доктору говорить об этом родителям солдата было, конечно же, нелегко. Но и правду, какая бы она ни была горькая, скрывать также невозможно.

— Как это на всю жизнь?! — Феликс Ишбулдович резко встал с места и своими маленькими серыми глазами уставился на доктора. В этот момент он всем своим видом напоминал грозного Абдуллу из фильма «Белое солнце пустыни».

— Мы, хирурги, старались, как могли, сделали для него все, что в наших силах. Будем надеяться только на Господа...

— То есть как это — на Господа?! А вы сами для чего жрете государственный хлеб? — «Абдулла», брызгая слюной, все больше закипал. — Знаю я вас, офицеров... Жизнь солдатскую ни во что не ставите. Все вы из одного теста. Не надейтесь, что это дело оставлю просто так! Я вам покажу, где раки зимуют!

Пришедший в ярость Феликс Ишбулдович стал быстро одеваться. Гульниса также потянулась за одеждой.

— Завтра будем переводить вашего сына в общую палату, — сказал доктор, провожая их. — Если часам к одиннадцати подойдете, то сможете поговорить с ним. Если есть затруднения с гостиницей, в отделении есть пустая палата. Можете в госпитале переночевать...

— Обойдемся!.. — гаркнул Феликс и, не попрощавшись, быстро направился к выходу.

Гульниса, конечно же, прекрасно понимала состояние мужа — отца ребенка. Понимала она и то, что на пути сердитого Феликса первым из офицеров части оказался доктор. Поэтому женщина поспешила хоть как-то смягчить обстановку.

— Спасибо, доктор! Вы уж извините, что так получилось... — сказала она, выходя из кабинета хирурга.

Угрозы в свой адрес доктор воспринял как порыв прохладного, неприятного осеннего ветра. Ему частенько приходится встречать родителей пострадавших военнослужащих, привык уже принимать от них первый удар на себя. Хотя, судя по преждевременной седине, можно предполагать, что только со стороны кажется он спокойным...

... — Какая мне польза от того, что подадим на него в суд... — сказал Батыр, который в какой-то мере уже примирился со своей участью.

Два дня назад его перевели в общую палату и разрешили родителям повидаться с ним. Гульниса, конечно же, ни на минуту не отходила от него, ухаживала за прикованным к постели сыночком. А отец в это время встречался с командиром части, замполитом. Феликс Ишбулдович, который уже много лет работал на руководящих должностях, был из таких, кто за словом в карман не лезет. Успел зайти даже в военную прокуратуру. Сержант Бабушкин, который нанес увечье Батыру, находился в это время на гарнизонной гауптвахте. Единственный человек, с кем не разрешили встретиться папаше, — тот самый Бабушкин.

— Я это все равно так не оставлю, — твердил Феликс Ишбулдович в жесткой форме. — Преступник должен сидеть в тюрьме!

— Он ведь тоже чей-то сын, папа, — сказал Батыр слабым голосом, — может быть, я и сам в какой-то мере виноват в случившемся. Эх, папа, — вздохнул он, — от того, что посадят Бабушкина в тюрьму, мои ноги ходить не начнут...

Тот злополучный день он помнил в мельчайших подробностях.

... — Рядовой Хисбуллин!

— Я!

— В туалет шагом марш!

— Есть!..

Дежурный по роте сержант Бабушкин стал давать солдатам суточного наряда соответствующие распоряжения по уборке казармы. Остальные же особо не спеша помыли ноги, почистили зубы, покурили и отправились спать после очередного нелегкого дня армейской службы.

— Я не желаю мыть это, товарищ сержант, — сказал Хисбуллин, кивая на грязные унитазы. Перед высоким, здоровенным сержантом, который почти на голову был выше его, он в великоватой солдатской кепке смотрелся как ученик-первоклассник перед учителем.

— А кто спрашивает о твоём желании, — рявкнул сержант. — Уж не думаешь ли ты, салага, что «дед» должен мыть туалет?..

— Кто испачкал, тот пусть и моет! — ответил Батыр, особо не подумав.

— Тогда найди того, кто это сделал! — сказал Бабушкин.

— Откуда я его найду?

— То-то! Вот поэтому, товарищ солдат, запомни раз и навсегда: в армии приказ старшего не обсуждают, а вы-пол-ня-ют! — сказал он, последнее слово выделяя по слогам. — Понятно?

— А теперь в стране — демократия, — не поддавался солдат.

— В данном случае твое пререкание со старшим по званию — не демократия, а демагогия, понял, товарищ солдат? — сказал Бабушкин.

— Сам мой! — сказал к своему несчастью Батыр, но слово — словно стрела, выпущенная из лука, улетит — не поймашь...

— Что-о-о?! — протянул Бабушкин, словно не расслышал его, приставил огромную ладонь к уху. Сержант, который никогда не мог даже представить себе, что можно услышать подобное от солдата, прослужившего всего полтора месяца, побагровел от злости и обратился к сослуживцам, которые следили за

происходящим: — Слышали, товарищи «старики», что он сказал?.. Ну и наглец! Придется из него вытрясти остатки гражданки... Пошли, салага!

Бабушкин одной рукой крепко схватил непослушного молодого солдата за шиворот и завел его в умывальню. За ними зашли несколько «стариков» то ли с целью просто понаблюдать, то ли самим поучаствовать в процессе воспитательной работы. Как только зашли в умывальную комнату, разъяренный сержант с ходу, всей силой толкнул солдата в сторону противоположной стены. Батыр, сильно ударившись спиной о невысокую каменную ступеньку, приспособленную для чистки сапог, тут же потерял сознание...

Он очнулся в реанимации спустя сутки после продолжительной, четырехчасовой операции на позвоночник.

— Леонид Юрьевич, боец, кажется, просыпается... — услышал он женский голос.

Казалось, что голоса слышны издалека. Сильно шумит голова, подташнивает. На правой руке — капельница, нестерпимо болит спина... Пошевелил руками, а вот ноги... Кажется, что ноги его не слушаются, более того, они вовсе неподвижны! Вместо крика из пересохшего горла Батыра вышел очень слабый стон.

— Света, сделай промедол! — приказал мужской голос.

— Сейчас, — ответила медсестра.

Через несколько минут Батыр заснул. Потом проснулся... Опять сильные боли, кошмарный бред... Снова сон...

Через несколько дней Батыр полностью пришел в сознание. Он вполне адекватно оценивал свое состояние. Когда самостоятельно стал принимать пищу, его из реанимации перевели в общую палату. Тут ему вроде как-то получше.

* * *

У начальника хирургического отделения состоялся повторный разговор с родителями солдата. К удивлению, в этот раз Феликс Ишбулдович слушал врача молча. Видимо, все-таки до его сознания дошло то, что врачи не виновны в несчастье, которое постигло их сына. Медики сказали, что Батыр проведет в госпитале еще как минимум месяца два. Значит, инвалидная коляска, которую уже заказали в округе, понадобится не раньше этого срока.

Феликс Ишбулдович подал заявление в военную прокуратуру с просьбой о наказании виновных. Впрочем, прокуратура сразу же после ЧП возбудила уголовное дело по данному факту. Суд военного трибунала состоится только через полтора-два месяца, поскольку следователям потребуется еще какое-то время.

После того как съездили к сыну, Гульниса заболела. Похоже, что истощенная нервная система дала сбой. Как только засыпала, снился прикованный к постели сын.

А Феликс Ишбулдович оставался таким же «железным». Может быть потому, что не скрывал свои отрицательные эмоции, всегда выплескивал негативную энергию. Даже тогда, когда получили приглашение в суд, он, кажется, обрадовался, как будто услышал какую-то добрую весть.

— Теперь я им покажу!..

— Да перестань ты, — возразила Гульниса, которая никогда ему не перечила. — Как можно получать удовлетворение от вражды?! — Она приняла очередную таблетку и легла в свою кровать.

Учитывая состояние супруги, Феликс на этот раз ей ничего не стал говорить, начал готовиться к предстоящей долгой дороге. Конечно же, будет нелегко Гульнисе, которая теперь постоянно болела. А тут — судебный процесс...

* * *

— Твой любимый сын кое-что натворил, Наташа, — сообщил Бабушкин Виктор Петрович своей жене, как только зашел домой.

— Альберт?.. — послышался испуганный голос Натальи.

— Да, да, он самый, твой Альберт, — сказал Виктор, будто злорадствуя. Сняв военную форму с майорскими погонами, повесил на крючок у входной двери. — Можно подумать, что у тебя есть еще другой сын. Час назад мне звонил замполит части, где он служит.

— Что натворил? — Наталья со сковородкой в руке выбежала из кухни.

— Избил молодого солдата, — сообщил Виктор. — Мало того, вроде сильно изувечил...

— О Боже, что он с ним сделал? — Наталья не отставала от мужа.

— Говорят, сломал позвоночник и повредил спинной мозг.

— Что же делать?.. — женщина зарыдала.

Она никак не ожидала, что может случиться несчастье с сыном, которому до увольнения из армии оставалось меньше месяца. Эх, Альберт, сыночек, что же ты натворил? Мать долго плакала, уткнувшись в подушку.

— Посоветуй, пожалуйста, Витя, что мне делать... — Наталья посмотрела на мужа заплаканными глазами. — Подскажи что-нибудь, ты ведь человек военный!

А тот, без того неплохо упитанный, спокойно уплетал блины на кухне.

— Даже не знаю, Наташа. Съезди что ли туда, поговори с родителями избитого солдата...

Был бы Альберт его родным сыном, наверняка забегал бы. Судьба чужого ребенка, конечно же, его нисколько не волнует...

...«Независимо от того, мальчик ли будет, или девочка, буду любить как родного, Наташенька, дорогая!..» — молодой лейтенант Виктор Бабушкин умолял выйти замуж девушку, которая была уже на третьем месяце беременности. Только потом стало ясно, почему лейтенант так «искренне любил» беременную женщину: она была дочерью полковника. Ее отец служил тогда начальником штаба дивизии. Понятно, что был уважаемым, влиятельным начальником не только в гарнизоне. Знакомых и друзей у него было достаточно и в центральном штабе войск в Москве. Очень скоро в меру упитанный белобрысый лейтенант Витя стал мужем Наташи. Молодой семье сразу же предоставили двухкомнатную квартиру. Когда у Наташи родился Альберт, Виктор дал ему свою фамилию. Хотя и старался не показывать, но он недолюбливал мальчика. Когда отец Натальи здравствовал, семейная жизнь у них, можно сказать, складывалась очень даже неплохо. Офицер интендантской службы Виктор успешно поднимался по служебной лестнице, все воинские звания получал в срок. Омрачало семейную жизнь то, что у Виктора и Натальи не было совместного ребенка. При обследовании врачи им сказали, что Виктор бесплодный. Когда Альберту исполнилось десять лет, Николай Васильевич — отец Натальи внезапно скончался от инфаркта миокарда. С этого дня Виктора,

который к этому времени получил майорское звание, словно подменили... Резко изменилось его отношение к супруге и ее сыну — Альберту. Альберт давно знал, что Виктор числится отцом только в документах. Когда учился в первом классе, кто-то из дружков донес то, что услышал от своих родителей, и мальчик прибежал домой, громко ревя: «Виктор — не мой папа!..» Порой те же ребята, обзывая «солдатским дитём», доводили его до истерики. В небольшом военном городке, как говорится, все на виду. В ту пору улица не могла не оказать на Альберта воздействие. Мальчик, лишенный отцовского воспитания, частенько игнорировал советы и наставления матери. К 14—15 годам, вымахав до 190 см и почувствовав в мышцах прибавление физической силы, Альберт иногда не прочь был подраться даже с вполне взрослыми парнями. В одно время его даже поставили на учет в подростковой комнате милиции. То ли учитывая, что был самым сильным спортсменом школы, его вскоре сняли с учета. К большому сожалению, в армии привычка парня решать вопросы с применением физической силы оказалась явно не в его пользу...

Наталья Николаевна не мешкая выехала в часть. С одной стороны, переживала за Альберта, с другой — думала, как же покажется на глаза родителей искалеченного молодого солдата. Ей было очень стыдно за Альберта. Она не сумеет спасти любимого сына от тюрьмы, в этом даже несколько не сомневалась...

* * *

Наталья Николаевна приехала на место службы сына на день раньше назначенного времени. Надеялась хотя бы через адвоката попытаться поговорить с родителями солдата.

— Отец его категорически отказался разговаривать с вами, и вообще, не хочет вести какие-либо переговоры. Настроен очень агрессивно, — сказал адвокат Альберта — Семкин.

— А мать?..

— Мать промолчала. Похоже, что у них в семье ее слово особого веса не имеет...

— Ну что ж, — вздохнула Наталья Николаевна, — ничего не поделаешь. А откуда они?

Семкин протянул ей копию какого-то документа, подписанного прокурором.

— Хисбуллин Батыр Феликсович?.. — громко прочитала Наталья Николаевна с удивленным выражением лица.

— Да, Хисбуллин Батыр, — подтвердил адвокат. — А почему так удивляетесь? Разве такие имена слышите впервые? А сами они — жители Башкирии.

— Что?.. Да нет... Наоборот, показалось, как будто знакомое имя...

То, что женщина довольно-таки сильно растерялась, не прошло мимо внимания опытного адвоката.

— Ладненько, уважаемая Наталья Николаевна, дел у нас еще довольно много. Я пойду...

— Я вас умоляю, ради Бога, постарайтесь спасти моего сына. Он ведь у меня единственный...

— Я не обещаю избавить его полностью от ответственности, но постараюсь сделать все, что в моих силах и возможностях, для того, чтобы как-то облегчить ситуацию, — сказал Семкин. — Извините, но мне пора. До свидания.

До начала суда Наталье Николаевне почему-то не разрешили встретиться с сыном. Ввиду того, что в войсковых частях не предусмотрены специальные помещения, суды военного трибунала организовываются, как правило, в солдатских клубах. Наталья, которая всю жизнь прожила в военном городке, об этом знала. Она, в темных очках, в сопровождении лейтенанта — представителя части зашла в зал, пахнувший кремом от солдатских сапог. Клуб точно такого же типа, что у них в городке. Поняла, что люди, которые должны присутствовать, уже собрались. На сцене для судьи и членов суда подготовлены длинный стол, обтянутый красной материей, а также несколько стульев. В первых двух рядах расположились офицеры. Остальные места заняты солдатами, которые между собой о чем-то перешептывались. Показательный суд, стало быть. Наталья обратила внимание на солидного, крупногабаритного мужчину, сидящего рядом с миловидной черноволосой женщиной. Феликс?.. Он самый!.. Хотя после разговора с адвокатом и была настроена на встречу с ним, но все-таки надеялась, что, возможно, просто однофамильцы. У женщины потемнело в глазах, от резкого головокружения она еле удержалась на ногах. Капитан, который сидел с краю, увидев это, быстро встал и предложил ей свое место. К счастью, Феликс сидел достаточно далеко от нее. Глянул он на вошедшую в зал Наталью, слегка повернув голову, однако на его постоянно сердитом лице с сомкнутыми губами не было никаких изменений. Быть может, и до окончания суда не узнает... Конечно же, так было бы лучше. Еще не привели в зал суда ее сына — Альберта. Скоро, наверное, заведут на инвалидной коляске и сына Феликса. Да, да, его сына — Батыра... А Альберт?.. Кто он для него? «Ошибка молодости»? Все перемешалось в голове Натальи...

... — Разрешите, — слегка полноватая голубоглазая Наташа красиво улыбнулась, приглашая на дамский вальс высокого чернобрового парня с «лычками» старшего сержанта на погонах. Она — из тех девчат, которые, несмотря на то, что еще не вышли из школьного возраста, выглядят на все девятнадцать-двадцать лет и своих еще безусых одноклассников считают мальчишками. Они предпочитают посещать разные вечеринки и дискотеки, которые в гарнизоне иногда организовывают для военнослужащих срочной службы. И на этом вечере Наташа выбрала среди солдат самого представительного, внешние данные которого отвечали всем требованиям ее вкуса.

— Как вас зовут? — смело спросила она, глянув в его серые глаза.

— Феликс, — сказал парень. — Только я никогда не танцевал с девушкой... И не умею...

— Меня зовут Наташа. А тут уметь и не надо. Достаточно, если не будете отставать от меня, — засмеялась она. — А вы откуда? С Кавказа, наверное?

— Урал, — ответил Феликс, — Башкортостан.

— А тот «железный Феликс», о котором рассказывали на уроке истории, случайно не земляк ваш? — перешла на шутки Наташа и сама же звонко засмеялась.

— Поляк он был вроде, — сказал парень довольно серьезно. — Почему-то меня все называют «железным»...

Несмотря на свою молодость, у Натальи уже был достаточно большой опыт в любовных делах. Во время танца она крепко прижималась к молодому парню.

Ей было интересно дразнить его, «пробуждать в нем льва». Родителей не было дома, и они, не дожидаясь окончания дискотеки, поехали к ней домой...

Нельзя сказать, что Наташа была без ума от этого неразговорчивого, можно сказать, угрюмого парня. Да и Феликс к ней особых чувств не испытывал. Тем не менее, они встречались при каждом удобном случае. Их взаимоотношения стали известны и родителям Наташи. Николай Васильевич, привыкший на всех смотреть свысока, не желал, чтобы дочь полковника путалась с каким-то солдатом. Об этом он неоднократно говорил и ей самой, однако разбалованная дочь его слова всерьез не воспринимала.

Один печальный случай положил конец их роману. «Железный Феликс» сломал челюсть молодому солдату. Нечаянно получилось, конечно, в ходе вечерней «политико-воспитательной работы» в казарме. За нанесение тяжкого телесного повреждения старшему сержанту Хисбуллину Феликсу грозило наказание — срок в дисциплинарном батальоне. Наталья, которая была в курсе всех этих событий, умоляла отца: «Папенька, дорогой, ради Бога, помоги! Он хороший парень, просто так получилось. Он не хотел...»

Чего только не сделаешь ради любимой дочери! Поговорив с нужными людьми, Николай Васильевич сумел отстоять от суда военного трибунала Феликса Хисбуллина, которому до демобилизации оставался всего один месяц. Но все же поставил парню категорическое условие.

— Отныне не смей даже приближаться к Наташе! В противном случае, — предупредил он Феликса, когда они разговаривали наедине, — мне ничего не стоит обратно поднять и возобновить твое дело... Ты меня понял?

— Так точно, товарищ полковник! Большое вам спасибо!

Они больше не встречались. Парня отправили в какой-то другой гарнизон в «срочную командировку». Скоро Феликс и вовсе отбыл на родину.

Ни Николай Васильевич, ни Феликс не знали о том, что Наташа в это время находилась на третьем месяце беременности... Пришлось дать согласие выйти замуж за лейтенанта Виктора Бабушкина, который с зимы очень настойчиво ухаживал за ней.

— Только дай возможность сдать выпускные экзамены. Никто, даже мои родители, не должны знать, что я беременна не от тебя...

— Военную тайну хранить умею, — шутливо ответил Виктор.

Тайну, конечно же, Витя сохранил. Тем не менее, как говорят в народе, шило в мешке не утаишь. Вскоре весь военный городок знал, что черноволосый мальчик — сын солдата Феликса...

Воспоминания оборвались: сначала на сцену завезли солдата на инвалидной коляске — сына Феликса, затем — Альберта, прикованного наручниками к руке солдата-охранника...

«Посмотри, Феликс, и этот — твой родной сын!.. Обрати внимание, ведь точная копия твоя!» — хотела крикнуть Наталья Николаевна. Однако какой-то внутренний голос ее остановил. Опять посмотрела на Феликса. Лицо его по-прежнему оставалось «железным»...

...После того, как кончил по очереди задавать необходимые вопросы пострадавшему, обвиняемому и свидетелям, прокурор громко зачитал заключение судебно-медицинской экспертизы и, «...учитывая особую тяжесть нанесенного телесного повреждения, которое привело к необратимым последствиям», попро-

сил назначить обвиняемому наказание в виде лишения свободы на максимальный срок. В зале, на фоне создавшейся тишины после выступления военного прокурора, были слышны только всхлипывания Натальи Николаевны. О чем думали Батыр, сидевший на инвалидной коляске, и Альберт в наручниках, не знает никто. Головы у них были опущены, будто оба чувствовали вину в произошедшем. А Феликс оставался по-прежнему «железным». На его каменном лице не было никаких изменений.

Наконец, дали слово адвокату Семкину.

— Уважаемый судья, — начал он свое выступление, соблюдая все правила обращения на суде. — Похоже, что процесс этот будет несколько необычный. Поэтому попрошу быть предельно внимательными, — адвокат прокашлялся.

Казалось, что он слегка волновался, несмотря на большой опыт за плечами. Откашлявшись, Семкин продолжил:

— Уважаемые товарищи, прежде всего хочу обратить ваше внимание на лица и телосложения этих двух людей: отца рядового Хисбуллина — Феликса Ишбулдовича и обвиняемого Бабушкина Альберта...

Сидящие в зале обратили взор на тех, имена которых назвал Семкин. Феликс Ишбулдович, ничего не понимая, с несколько удивленным выражением лица поглядывал в стороны. Адвокат продолжил:

— Вчера состоялся разговор по телефону с майором Виктором Бабушкиным, который по документам числится как отец Альберта, — выступающий сделал паузу. — Он признался в том, что не является его отцом. У него же я выяснил, что уважаемый Феликс Ишбулдович, который написал заявление в прокуратуру с просьбой сурово наказать Альберта Бабушкина, никто иной, как настоящий родной отец подсудимого.

После этих слов люди зашумели, зал стал напоминать встревоженный улей. Судья, сидящий за столом, звякнул колокольчиком, попросил присутствующих успокоиться. Когда все снова затихли, адвокат Семкин продолжил выступление.

— Возможно, что мои действия — проникновение в семейные тайны с целью выяснения отцовства — не совсем этичны. Но к этому шагу меня толкнули душевные переживания за будущее молодого человека, — он показал на Альберта, — у которого жизнь только начинается. Словом, я действовал так, как повелела моя человеческая совесть. Считаю, что в этом нет ничего плохого, ведь решается судьба человека.

Феликс, сидевший до сих пор неподвижно, словно железная статуя, вздрогнул, словно его ударило током. Не ожидавший такого развития событий, он побледнел, по очереди посмотрел то на Альберта, то на Наталью. Наталья, наконец, сняла очки.

— Учитывая признание гражданином Бабушкиным своей вины, его чисто-сердечное раскаяние о случившемся, и то, что это деяние совершил непреднамеренно и по неосторожности, я прошу суд посчитать за смягчающее обстоятельство тот факт, что Батыр и Альберт являются родными братьями, и прошу облегчить обвиняемому меру наказания. Во-вторых, — адвокат обратился к Феликсу Ишбулдовичу, — будучи родным отцом Альберта, может, перепишите свое заявление?

Мужчина, который до этого казался неприступной скалой, плакал, прикрыв двумя руками лицо. Сидящие в зале видели, как тряслись его плечи. Похоже, что он ничего не слышал. Судья вынес Альберту приговор, который предусматривал не максимальное, а только условное наказание...

* * *

...Мой знакомый закончил рассказ. А я какое-то время сидел, как оглушенный, не в силах обуздать свои мысли. После некоторой паузы он вдруг спросил:

— А не хочешь узнать, как сложилась дальнейшая судьба этих людей?

— Да, конечно! — обрадовался я, надеясь услышать что-то хорошее.

— Как правило, хирурги, прооперировав и вылечив больных с тяжелой патологией, следят за дальнейшей их жизнью. Такое свойство характерно и некоторым адвокатам. До сих пор не теряю связь с героями этой истории. В первую очередь, наверное, тебя беспокоит судьба рядового Хисбуллина Батыра, — сказал он, будто читая мои мысли.

— Конечно! — ответил я, не скрывая свое нетерпение.

— Батыра в течение четырех лет лечили в разных клиниках. В данный момент он — студент третьего курса медицинского университета, — сообщил мой знакомый. — Передвигается самостоятельно!

— Да?! — воскликнул я от радости.

— Так точно! Правда, прихрамывает, и ходит с тросточкой, но без посторонней помощи. Оказался сильный, старательный, волевой парень. Никогда не терял надежду на выздоровление.

— Врачи же говорили, что он — инвалид на всю жизнь...

— Врач — не Бог. То, что доктора предполагают, не всегда может совпадать с реальностью. Теперь, наоборот, они уверяют, что очень скоро у Батыра полностью восстановятся все функции нижней половины тела. А Альберт окончил физкультурный институт, работает в школе учителем физкультуры. Несмотря на свою молодость, в прошлом году на конкурсе, который проводился в масштабе города, получил звание «Учитель года». Кстати, Альберт поменял фамилию и отчество. Теперь он — Хисбуллин Альберт Феликсович.

— Странно...

— Что странного? Он ведь нашел настоящего отца!

Впрочем, это не важно. Главное — жизнь молодого человека не покалечена! Что стало бы с ним, если бы тогда посадили его? По моему телу пробежали мурашки.

— «Феликс железный» на работе остался таким же «пуленепробиваемым». В настоящее время является директором пивзавода, — продолжил мой знакомый. — А вот супругу свою, говорят, теперь на руках только носит...

— А как там Наталья с Виктором?

— Они по-прежнему живут вместе. Виктор до сих пор в звании майора, собирается на пенсию. А Батыр и Альберт помирились и поддерживают связь друг с другом. Батыр недавно съездил в Новосибирск на свадьбу брата...

— Почему сразу же не сообщил о том, что эта история закончится благополучно? — сказал я, как бы слегка обижаясь. — Пожилого человека заставил волноваться...

— Все мое время...